

Прежде пустующий, холодный угол лаборатории теперь был забит вещами.

Там стояла классная маркерная доска, лежала стопка виниловых пластинок, красовался старый винтажный проигрыватель и ютились две игровые приставки, которые можно было подключить к проекционному экрану.

Говорили, что в империи Ваза проигрыватели давно вышли из обихода, став пережитком прошлого. Однако на континенте Ангра благородное сословие всё ещё питало к ним слабость.

У Ван Цзиншаня когда-то тоже был такой — подарок отца на совершеннолетие.

От нахлынувших воспоминаний на душе сделалось пасмурно, но Цзиншань ничем себя не выдал. Он подошёл к тяжелому, дорогому аппарату и аккуратно опустил на диск виниловую пластинку.

Носк с любопытством уставился на невиданный прибор.

— Это... и есть... музыка?.. — тихо спросил он.

— Строго говоря, это вещь, которая её создаёт, — Ван Цзиншань показал ему круглый конверт.

— Люди заставляют эти механизмы сталкиваться, рождая ритм. Так и появляется музыка.

Судя по всему, Носк уже сгорал от нетерпения.

Что бы ему включить? Ван Цзиншань задумался, ведя кончиками пальцев по плотной стопке картонных конвертов, пока наконец не вытащил три штуки.

Это были «(Just Like) Starting Over» Джона Леннона, «Look at Me» Алана Джексона и «Joe's Blues» Джо Пасса. Все эти композиции он когда-то отбирал с особой нежностью — они были его любимыми.

— Музыка... — протянул Носк. — Какая она?..

— Музыка — это чудо, — ответил Ван Цзиншань.

Он включил проигрыватель в сеть и осторожно опустил тонарм. Игла со скрипом коснулась дорожки, раздался тихий шорох, а затем грянуло звонкое вступление. От неожиданности Носк вздрогнул. Огромная голова резко взметнулась вверх, он испуганно и настороженно огляделся по сторонам.

Однако низкий, бархатистый голос певца быстро унял тревогу. Песня звучала на языке

империи Ангра, так что Носк понимал каждое слово. Мерный, убаюкивающий ритм ударных, мягкое, обволакивающее звучание барабанов и саксофона на заднем плане — всё это казалось ему невероятным открытием. Почему эти разрозненные звуки, сливаясь воедино, превращаются в нечто столь прекрасное, дарящее чистую, ничем не замутнённую радость?

— Ш-ш... ц-ц... — тихонько зашуршало в динамиках.

«Но наша любовь всё так же сильна...»

«Давай улетим на край света, разделив это безумие на двоих...»

Ван Цзиншань невольно улыбнулся, заметив, как Носк забавно покачивает головой в такт музыке, пытаясь подпевать.

— Тебе нравится?

— Нра... вится... — его багровые вертикальные зрачки заблестели, точно усыпанные алмазной крошкой. Замерев, он жадно ловил каждый звук. Мелодия то вздымалась ревущим океанским валом, то стихала, уходя в безмятежные глубины меланхоличного блюза.

Вдруг Ван Цзиншань изумлённо округлил глаза.

На его глазах багровое тело Носка начало бледнеть, наливаясь той самой неземной, завораживающей прозрачностью. Мягкое свечение, исходившее от его кожи, окрасило воду в бассейне в невероятные переливы глубоких бархатных оттенков — таких цветов просто не существовало в спектре земного мира. Они буквально ослепляли своей чистой, первородной красотой. Художник назвал бы это палитрой зарождения жизни, учёный — рождением новой вселенной. Алые, изумрудные, янтарные, лазурные блики смешивались, струились, словно капли, растворяющиеся в океане, перетекая друг в друга в бесконечном, завораживающем танце.

Лабораторный пункт наблюдения

— Он понимает музыку! — Старший научный сотрудник шумно сглотнул, не веря собственным глазам. — Неужели обычный осьминог способен испытывать человеческие чувства?

— Да ладно тебе музыка, — хмыкнул его коллега. — Этот парень даже сюжеты фильмов улавливает на раз-два.

— Он далеко не просто осьминог, — отрезал профессор Смит.

Прильнув к экрану, он машинально запустил дрожащую руку под воротник и сжал висящий на шее серебряный крестик.

«О Господи...»

Его слабая, растерзанная страхом душа трепетала. Колени подкашивались, готовые вот-вот подогнуться в безвольном поклоне. Через холодное стекло монитора он видел не диковинного зверя, а завораживающее величие первородного демона, созерцал само таинство безумного творения.

Впрочем, самого Ван Цзиншаня музыкальные таланты Носка ничуть не удивляли. Он давно понял: это существо обладает разумом и сложнейшей гаммой чувств. Оно умело грустить и радоваться, злилось, пугалось, смущалось и страдало от одиночества.

Носк походил на гениального младенца — наивного, но невероятно чуткого ко всему, что его окружало.

Вскоре Цзиншань научил его играть в видеоигры.

Первую партию Ван Цзиншань легко выиграл, но уже со второй инициатива полностью перешла к Носку.

У человека всего две руки, тогда как у Носка их было множество, и они с лёгкостью управлялись с миниатюрной приставкой.

— Иг... ры... это так весело! — ликовал Носк.

То, что подопечный стремительно превращается в заядлого геймера... вернее, в гейм-осьминога, Ван Цзиншаня не удивляло.

Он и сам был не прочь поиграть, а потому прекрасно понимал азарт Носка. Поражало другое — феноменальная скорость обучения. С того дня Цзиншань больше не одержал ни одной победы.

«Неужели это тот самый случай, когда ученик превзошёл учителя?» — задумчиво размышлял Ван Цзиншань.

— Скажи, а я смогу заговорить на твоём языке? — неожиданно спросил он.

— М-м?... — Носк отвлёкся от экрана, замер усыпанными присосками щупальцами и повернулся

к нему. — Думаю... да...

Язык осьминогов считался глубочайшей тайной подводного мира, которую человечество даже не надеялось разгадать. Но с того самого момента, как под сердцем Ван Цзиншаня зародилась новая жизнь, он невольно перенял часть ментальных способностей чуждой расы.

— Ш-ш... кх-кх... — попытался симитировать Носка Цзиншань, но из горла вырвалось лишь нелепое сопение.

Носк мягко ткнул кончиком щупальца в сторону бассейна.

— Тебе... нужно спуститься в воду... Только там мы сможем поговорить...

— Тогда придётся снова наполнить бассейн, — прикинул Ван Цзиншань. — Плаваю я неплохо, но задерживать дыхание дольше чем на две с половиной минуты не умею.

— Попробуй... Теперь ты... можешь находиться под водой... сколько захочешь...

У Ван Цзиншаня действительно накопилось много вопросов к Носку. И меньше всего он хотел, чтобы их разговор подслушал Смит. Немного поколебавшись, он нажал на пульт управления, запуская подачу воды.

С гулом хлынула солоноватая лазурная пена, мгновенно скрыв нижнюю треть массивного тела Носка.

Треснувшее ранее сверхпрочное стекло уже успели заменить солдаты охраны, так что за герметичность резервуара можно было не переживать.

Дождавшись, пока уровень воды поднимется выше двух метров, Ван Цзиншань стянул куртку с футболкой и нырнул в бассейн.

Ощущение оказалось поразительным. Его зрачки сузились от шока — он дышал! Свободно и легко, словно в его теле за долю секунды развились скрытые, подобные рыбьим жабры.

«Это всё из-за него?»

Ван Цзиншань завис в толще воды, глядя прямо в огромные глаза чудовища.

— Видишь, я не обманул тебя, — донёсся до него голос Носка. В воде Ван Цзиншань воспринимал его сигналы напрямую, минуя автоматический переводчик, отчего голос Носка обрёл мягкую, чарующую глубину и избавился от рваных пауз.

Ван Цзиншань приоткрыл рот. Солёная вода наполнила лёгкие и мягко вышла обратно. Повинуясь странному интуитивному импульсу, он без труда заговорил на древнем наречии бездны:

— Это твоих рук дело? Ты подарил мне эту способность?

Носк ласково качнул головой.

Сделав несколько гребков, Цзиншань подплыл ближе.

— Около двух недель назад мне прислали загадочную карту. В ней говорилось, что я стал участником игры по твоему... покорению. Это ты мне её отправил?

— Покорению?.. — растерялся Носк. — Что это значит?

— Это значит... влюбить в себя. Сделать так, чтобы ты принадлежал мне, — объяснил Ван Цзиншань после недолгого раздумья.

Носк посмотрел на него с обезоруживающей нежностью:

— Но я и так весь твой.

Бум. Бум.

Несмотря на толщу воды, Ван Цзиншань отчётливо услышал, как бешено заколотилось его собственное сердце. Внутри зародилось тревожное предчувствие: если так пойдёт и дальше, всё окончательно выйдет из-под контроля.

Он отвёл смущённый взгляд и поспешно сменил тему:

— Давай сначала обсудим наш побег.

— Давай, — послушно согласился Носк.

— Когда выберемся отсюда, на Остров Осьминогов возвращаться нельзя. Как насчёт того, чтобы отыскать какой-нибудь глухой, тихий уголок и жить там вдвоём?

Всё равно империя списала его со счетов. А работа офицером полиции, которую он когда-то боготворил, потеряла всякий смысл.

— Хорошо!

— А кроме «хорошо» ты другие слова знаешь? — беззлобно съязвил Цзиншань.

Носк ненадолго завис, переваривая вопрос, а затем бодро выпалил:

— Ладненько!

Ван Цзиншань только вздохнул.

Ему хотелось признаться, что встреча с этим существом перевернула его жизнь и представления о мире с ног на голову. И пускай сейчас они томились в стальной клетке без ясных перспектив на будущее, он ни на секунду не пожалел, что тогда принял вызов таинственной карты.

Наверное, в глубине души каждый из нас мечтает о невероятном приключении, способном вырвать из серой рутины. Готов ли он связать свою судьбу с гигантским инопланетным осьминогом и пуститься во все тяжкие? Пожалуй, причин отказываться у него не было.

Носк просительно повёл щупальцами:

— Любимый, а можно мне ещё поиграть? Ну или хотя бы кино посмотреть?

... Всё-таки это чудище порой казалось сказочно глупым.

Ван Цзиншань вынырнул на поверхность, шумно отдуваясь, и стряхнул воду с лица.

— Сначала математика. Решешь задания — получишь приставку.

— Ну ладно... — Носк понуро сжался, всем своим видом выражая глубочайшую обиду.

Цзиншань проявил твёрдость характера:

— Сколько будет один плюс один?

— Два, — Носк посмотрел на него со смесью недоумения и укоризны. — Это же для первоклашек, разве нет?

Грей научил его этому ещё в самом начале.

Ван Цзиншань, разумеется, тактично промолчал о том, что действительно держал его за неразумное дитя. Он торопливо пролистал методички и выудил учебник по высшей математике — сборник сложнейших олимпиадных задач, предназначенный для докторантов. С такой нагрузкой Носк уж точно не должен был справиться.

— А как тебе такое? — Ван Цзиншань выбрал самую зубодробительную задачу на вычисление матриц и старательно перерисовал её на маркерную доску.

Носк лишь мельком взглянул на доску, протянул щупальце и за секунду набросал в углу кривые, неровные цифры ответа.

— Очуметь... — вырвалось у Ван Цзиншаня.

Он несколько раз сверил каракули с ответами в конце книги. Всё сошлось до единого знака.

— Как ты это сделал? — изумился он. — Каков был ход твоих мыслей? Каков алгоритм решения?

— Ход?.. — искренне удивился Носк. — А разве для этого нужно думать? Оно же само... сразу видно.

Ван Цзиншань лишился дара речи. Он заподозрил Носка в наглом бахвальстве, но уличить его в этом не мог при всём желании. Как бы то ни было, этот случай наглядно доказывал невероятный интеллект существа.

Профессор Смит позже объяснил это наличием трёх мозговых центров, чья совместная работа превосходила мощность нескольких передовых суперкомпьютеров.

Приближалось время обеда. Носк уплетал предложенное угощение за обе щёки, а вот у Ван Цзиншаня кусок в горло не лез. К основному будничному блюду он даже не прикоснулся, ограничившись лишь парой кислых зелёных яблок.

Носк заботливо пододвинул к нему тарелку.

— Тебе нужно кушать... больше...

В его инстинктивной программе чётко запечатлелось правило: вынашивающей потомство особи требуется усиленное питание.

— Не хочется, — вздохнул Ван Цзиншань. Он и сам поражался внезапной разборчивости в еде, ведь раньше никогда не привередничал. Должно быть, сказывалось гнетущее давление замкнутого пространства на подлодке.

Носк озадаченно склонил голову набок:

— Может... ты хочешь... съесть меня?..

Ван Цзиншань так и застыл на месте. По спине пробежал холодок.

— Пожалуй, воздержусь, спасибо.

Он поспешно потянулся к интеркому и набрал номер раздаточной:

— Здравствуйте, это из лаборатории. Подскажите, у вас найдутся какие-нибудь соленья? Да-да, маринованные овощи. Если можно, то покислее.

Незаметно пролетели ещё три дня.

Будни человека и осьминога в закрытой лаборатории тянулись однообразно.

Проснувшись, Ван Цзиншань завтракал, после чего они часами смотрели фильмы или устраивали шахматные баталии. К приставке он больше не прикасался. Как бы Носк ни умолял, Цзиншань стоял на своём: играть с ним он не будет. Носк в игровом азарте напрочь лишился остатков деликатности и совершенно не умел поддаваться. Проигрывать всухую раз за разом не понравилось бы никому.

Считается, что с изобретением кинематографа человеческая жизнь удлинилась как минимум втрое. И действительно, благодаря фильмам Носк с каждым днём всё лучше постигал устройство человеческого общества.

Профессор Смит щедро снабжал их цифровой библиотекой: детективы, боевики, триллеры, комедии, научная фантастика и даже мультфильмы — у них было всё. К удивлению Ван Цзиншаня, среди этого многообразия Носк питал особую слабость к романтическим мелодрамам. Насмотревшись на чужую экранную любовь, он повадился засыпать Цзиншаня крайне неловкими вопросами.

К примеру:

— А почему... люди женятся на несколько лет раньше... чем у них заводится ребёнок?..

— Зачем эти двое... прижимают друг к другу органы для поглощения пищи?..

— Любовь... это когда они вместе... дерутся на кровати?..

Внезапно свалившаяся на плечи роль воспитателя в детском саду заставляла Ван Цзиншаня хвататься за голову. Лихорадочно соображая, как объяснить тонкости бытия и не испортить невинный разум инопланетного чудища, он старался подбирать максимально нейтральные слова:

— Понимаешь, у людей принято сначала долго ухаживать друг за другом, влюбляться, играть свадьбу и только потом заводить детей. Ребёнок для нас — это плод искренней любви двух сердец.

Носк озадаченно моргнул:

— А что будет... если пропустить всё это... и сразу сделать так, чтобы у партнёра появился малыш?..

— Тогда это считается верхом неприличия. Грязным домогательством, — отрезал Ван Цзиншань.

От этих слов Носк побледнел от ужаса, его гигантское тело мелко задрожало, подняв волны в бассейне. Выходит, естественный для его расы способ продолжения рода в глазах любимого был грязным домогательством!

«Всё пропало...» — в панике забились мысли во всех трёх его мозгах. Что, если Ван Цзиншань возненавидит его? Нет, этого ни в коем случае нельзя допустить!

В конце концов все его думы сошлись на одном жизненно важном вопросе: не поздно ли ещё наверстать упущенные шаги? В памяти всплыла древняя человеческая поговорка о том, что билет можно купить и после посадки на поезд. Значит, шанс исправить положение ещё оставался.

Но прежде всего Носку нужно было решить одну маленькую проблему: как можно скорее принять человеческий облик.

<http://bllate.org/book/20372/2131866>